

СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ:
ВЛАСТЬ ИНСТИТУТОВ И РЕСУРСЫ
ГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ**Н. С. Журавлёва**

Журавлёва Нелли Сергеевна (Екатеринбург, Россия) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Национального исследовательского Южно-Уральского государственного университета. E-mail: zhurnell@mail.ru

БОРЬБА ЧЕЛЯБИНСКИХ АВТОРОВ ЗА СТАТУС СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ В 1930-Е ГОДЫ: МОТИВАЦИИ, СТРАТЕГИИ, РЕСУРСЫ

Статья посвящена малоизученной в историографии проблеме – деятельности провинциальной творческой интеллигенции в период формирования административной системы управления и, в частности, практике социальной адаптации. При огосударствлении всех сторон советского общества реальной возможностью достичь материального благополучия для деятелей литературы и искусства становился способ превращения в государственных служащих, а именно: вхождение в состав творческих союзов СССР. На примере челябинских авторов показаны стратегии вхождения в Союз советских писателей и трудности, с которыми они столкнулись в процессе борьбы за статус профессионального литератора в 1930-е гг.

Ключевые слова: Союз советских писателей, огосударствление культурной сферы, начинающие литераторы, практика социальной адаптации

N. S. Zhuravleva

Nelly Zhuravleva (Yekaterinburg, Russia) — PhD in History, Associate Professor at the South-Ural State University, Department of History of Russia; E-mail: zhurnell@mail.ru

THE STRUGGLE OF CHELYABINSK AUTHORS FOR THE STATUS OF A SOVIET WRITER IN THE 1930S: MOTIVATION, STRATEGIES, RESOURCES

This article is dedicated to a little-studied problem in historiography: the activities of provincial creative intelligentsia during the period when the government administration system had been formed and, in particular, the practice of social adaptation. Given the nationalization of all aspects of the Soviet society, becoming government employees, namely the incorporation into the Art Unions of the USSR, was a real opportunity for litterateurs to achieve material prosperity. On the example of Chelyabinsk the authors demonstrate the strategies of incorporation into the Union of Soviet Writers and the difficulties they faced in their struggle for the status of a professional writer in the 1930s.

Keywords: Union of Soviet Writers, nationalization of society's cultural aspects, novice writers, practice of social adaptation.

**СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ:
ВЛАСТЬ ИНСТИТУТОВ И РЕСУРСЫ
ГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ**

Период 1930-х годов — один из самых противоречивых в отечественной истории: именно тогда закладывались основные векторы дальнейшего развития страны. В частности, происходило оформление командно-административной системы управления, что отражало потребность строительства социализма в отдельной стране с опорой исключительно на внутренние ресурсы. Важнейшим среди таких ресурсов являлся духовный фактор, имманентно присущий каждой личности и обществу в целом. В этой связи «культурная революция», нацеленная на формирование нового — советского — человека стала «краеугольным камнем» индустриализации. Поэтому государство в качестве своей социальной опоры порождает такое уникальное явление как советская интеллигенция.

После победы большевиков в Гражданской войне началась разработка стратегии управления литературно-художественными кадрами, которая к середине 1930-х годов обрела форму творческих союзов, фактически воспроизводивших структуру аппарата ЦК ВКП(б). Пионером среди них оказался Союз советских писателей, ибо именно литература, по мнению И. В. Сталина, была способна более эффективно передать социальный смысл, нежели другие виды искусства, в частности, живопись [4, с. 8].

Первый Всесоюзный съезд советских писателей, проходивший в августе 1934 года, инициировал создание региональных филиалов Союза. По разным данным в это время насчитывалось от 1500 до 2500 членов и кандидатов. Через несколько лет эта цифра вырастет за счет выдвижения периферийных авторов. Среди мотивов вступления в Союз советских писателей следует назвать улучшение материально-бытовых условий, повышение социального статуса, соучастие в жизни своей страны, желание избежать тяжелого физического труда, повышение уровня образования, романтические представления о профессии писателя.

С конца 1920-х годов население СССР оказалось втянуто в социалистический эксперимент — первый в мировой истории, который прежде казался утопией. Желание быть сопричастным такому грандиозному прорыву было вполне закономерным явлением. Между тем потребность в слиянии с целым не исключала заботу о собственных интересах. Начинаящие писатели были вынуждены сочетать литературный труд с работой на заводе. Например, прославившие Южный Урал авторы приехали в годы первых пятилеток по «комсомольскому почину» на строительство Челябинского тракторного и Магнитогорского металлургического заводов. Покинув сельскую местность, они столкнулись с проблемами городов: поиск работы и жилья, социальная незащищенность, невозможность перевезти семью и пр. В этом смысле труд писателя казался им гораздо привлекательнее: нет черной работы, более высокий социальный статус по сравнению с рабочими, возможность командировок, творческих отпусков и прочие гарантии. Стать писателем казалось гораздо проще, чем художником или музыкантом, ведь для этого не требовалось специальное образование. Кроме того, ушли в прошлое представления об элитарности искусства, что отражало массовизацию культуры в XX столетии. В Советском государстве — утилитарном по своей сути, бытовало представление о том, что литературная работа — такая же работа, как и любая другая. Труд провозглашался основной обязанностью советского человека, а значит, он мог освоить любую профессию.

Как следствие — происходила ранняя профессионализация начинающих писателей, которые отрывались от трудовой среды, стремясь зарабатывать на жизнь лишь творчеством. Многие из них превращались в «литературоделов», которые ничего не печатали, зато становились чрезвычайно активными, когда обсуждались вопросы личного благополучия. По мнению В. Антипиной, основная масса литераторов стремилась в Союз советских писателей для получения материальных выгод. Такой вывод она сделала, опираясь на анализ писем и протоколов

СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ:
ВЛАСТЬ ИНСТИТУТОВ И РЕСУРСЫ
ГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ

заседаний [1, с. 49].

В этой связи набор стратегий их поведения определялся стремлением войти в состав этой организации. В числе прочих важнейшим критерием членства в Союзе являлось публикация произведений, соответствующих соцреалистическому канону. На первый взгляд, у челябинцев, живущих в крупнейшем индустриальном центре, не могли возникнуть сложности в освещении промышленных успехов. Однако львиная доля челябинской печатной продукции издавалась в Свердловске из-за отсутствия собственной производственной базы и кадров, что приводило к удорожанию и задержке издания. Незрелость издательской базы отражала скудость дореволюционной культурной традиции, объясняемой историческими факторами. Южный Урал в силу пограничного расположения выполнял в Российской империи преимущественно защитные и торговые функции. Творческая интеллигенция была малочисленна и не имела социальной базы. По мнению А. Шмакова, в дореволюционном Челябинске жили лишь два писателя (А. Г. Туркин и М. Г. Чучелов), и были изданы четыре книги [11, с. 1]. Вследствие этого литература здесь зародилась на платформе советской власти и по ее инициативе: «Союз советских журналистов, поэтов, писателей, художников» (СоСоЖурПоПиХу) стал первым объединением города. Он появился в 1920 году после приезда уполномоченного Пролеткульта поэта И. В. Шувалова.

Только в период сталинских пятилеток началась модернизация Южного Урала, потянувшая за собой трансформацию социально-экономической и культурной сфер. Весной 1936 года возникло Челябинское государственное издательство (ЧелябГИЗ) — первое в регионе. Но судя по документам, вплоть до Великой Отечественной войны оно так и не сумело наладить полноценную работу, что объяснялось частой сменой редакторского состава из-за репрессий, а также неоднократными реорганизациями местного филиала Союза советских писателей. Его региональные отделения в большинстве случаев институционально были мало различимы, однако создание челябинского Оргкомитета имело свою специфику. Во-первых, он был создан позднее многих других и не имел серьезной материальной базы. В частности, областные Оргкомитеты Союза заменили собой филиалы Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) после постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных объединений» от 23 апреля 1932 года. В наследство от предшественников они получили творческий коллектив, помещение, издательские мощности и пр. В Челябинске подобного преобразования не произошло. После «чистки» в январе 1930 года Челябинская ассоциация пролетарских писателей (ЧАПП) была распущена. Многие литераторы покинули город. Литературное ядро, сформированное в 1920-е годы, распалось.

Во-вторых, до 1934 года Челябинская область входила в состав Свердловской, а значит, челябинские писатели являлись членами Свердловского Оргкомитета, возникшего еще в 1932 году. Реорганизация области потребовала создания собственной структуры: в декабре 1935 года возник челябинский Оргкомитет, официально утвержденный Правлением 19 января 1936 года [10, л. 30]. Его одновременное создание с ЧелябГИЗом объяснялось стремлением государства использовать писателей для идеологической поддержки режима, что предполагало массовое книгоиздательство. Из Москвы командировали поэта Э. А. Шиллера, ставшего и первым председателем Оргкомитета, и первым директором издательства. Между тем уже вскоре стало ясно, что он не справился с поставленными задачами. Причины неэффективности его работы объяснялись запоздалым созданием организации: нет ответственного секретаря, работа ограничена случайными встречами писателей с издательством, нет систематической работы, нет помещения, нет денег и даже сметы.

**СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ:
ВЛАСТЬ ИНСТИТУТОВ И РЕСУРСЫ
ГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ**

Еще одной стратегией получения заветного статуса советского писателя для челябинцев стало подчинение областному сектору Союза писателей, возникшему в декабре 1934 года. Его работники консультировали и рецензировали сочинения начинающих авторов. Сектор также гарантировал публикацию их лучших произведений в центральных издательствах [7, л. 18]. В частности, в 1935 году вышел роман южно-уральяца И. Т. Коробейникова «Застойцы». Между тем без личных контактов с писателями деятельность областного сектора была малопродуктивна. Для этого к каждому областному отделению прикреплялись московские писатели. Уже в апреле 1936 года Челябинск и Магнитогорск посетили критики И. Л. Френкель и Б. Я. Гроссман. Они пришли к выводу, что никто не руководит литкружками, не ведет консультаций в издательстве и газетах. Эти недостатки они связали с материальными трудностями. Например, они признали, что Э. А. Шиллер почти не пишет в последнее время, т. к. перегружен издательской работой и живет в чрезвычайно тяжелых условиях (не имеет сносной квартиры, дочь заболела острым туберкулезом), поэтому и оргработе Союза советских писателей уделяет мало внимания. Челябинский горком не следит за работой литактива, а «<...> у ряда работников неправильная точка зрения — они думают, что нужно “импортировать” писателей из Москвы для постоянной работы» [5, л. 1].

Такой высокий авторитет столичных писателей объяснялся молодостью авторов, для которых слово опытных литераторов было очень весомым. Однако приезжавшие в этот период З. И. Факторович (Фазин), А. Л. Хмара (Банквицер), С. И. Пакентрейгер, И. А. Рахтанов обещали помочь, но ограничились только рецензированием. Специалисты не желали переезжать сюда из-за нерешенности квартирного вопроса. Потому эпизодические визиты в провинцию нередко воспринимались ими как дополнительный заработок. Так, Б. С. Ицын вспоминал, что в сентябре 1936 года приехали писатели Я. З. Шведов и Н. В. Богданов. Они начали с того, что потребовали с завода 1000 рублей за свой вечер. В числе литераторов, посетивших Челябинск, оказался и некий «литературный проходимец». М. Альтшуллер, называясь писателем, «втирался» в доверие к директорам предприятий и, обещая написать книгу, получал гонорар. Правда вскрылась, когда «скороспелые рукописи» попали в издательство. Таким способом он заработал огромную сумму: 7000 рублей получил от Станкостроя, 5000 рублей — от завода «Миассзолото», еще 4500 рублей — от ЧелябГИЗа [2].

Подобная авантюра стала возможна в Челябинске из-за отсутствия взаимодействия между писателями, администрацией города и издательством, а также бездействия Оргбюро. Его состав обновился уже через девять месяцев: на смену Э. А. Шиллеру пришел В. А. Светозаров. В числе прочих причиной смены руководства стала нехватка финансирования. К примеру, в 1936 году было получено всего 1500, а израсходовано 14800 рублей.

В это время местные силы пытались реализовать стратегию воспитания собственных литературно-художественных кадров. В частности, при ЧелябГИЗе возникла литературная консультация. Ее критик В. Вадимов неудачи начинающих авторов объяснял стремлением к оригинальности, а требовалась простота, но не упрощение. Сами литераторы оправдывали свое творческое бессилие невниманием местного обкома и профсоюзов, представители которых признавались, что не видят разницы между писателем и газетчиком. Свои надежды они связывали с изданием в апреле 1937 года литературно-художественного альманаха «Стихи и проза», первого на Южном Урале. Между тем писательская организация осталась в стороне от этого события. Ее потряс очередной конфликт. В. А. Светозаров был обвинен в злоупотреблении служебным положением: «<...> выписал незаконно себе командировочные, оплачивал квартиру в Магнитогорске. Тесть Светозарова, работая бухгалтером оргбюро, способствовал

СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ:
ВЛАСТЬ ИНСТИТУТОВ И РЕСУРСЫ
ГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ

неправильным проделкам своего начальства» [6, л. 7]. Судя по многочисленным документам, подобные явления были типичными для отделений Союза писателей по всей стране. В итоге летом 1937 года коллегиальное руководство (правление) заменялось институтом уполномоченных. В качестве причины указывалось следующее: «Вместо того, чтобы быть творческими объединениями, правления превратились в учреждения с раздутым аппаратом, пожирающим большие суммы денег, с бюрократическими методами работы» [6, л. 31].

В Челябинске эта реорганизация лишь усугубила противоречия: избранные уполномоченные так и не успели вступить в должность. В. Ф. Губарев и В. А. Макаров один за другим были репрессированы, что еще больше дезорганизовало местных литераторов. Кроме того, из-за ареста Б. А. Ручьева, В. Ф. Губарева и М. М. Люгарина не осталось ни одного члена Союза писателей. Вследствие этого сложилась парадоксальная ситуация: формально не было организации, зато существовали авторы, которые продолжали публиковаться в печати и отчислять в Литфонд проценты от гонораров. Этот литературный актив избрал временное бюро, но оно не приступило к работе из-за отсутствия юридического статуса, а значит, и финансирования.

Можно предположить, что аналогичные затруднения испытывали многие региональные отделения Союза советских писателей в этот период. Они объяснялись не только репрессиями, особенностями социалистической модернизации, но и отсутствием разработанной системы управления периферией. Институт уполномоченных вскоре заменили коллективным руководством. При региональных альманахах создавались художественно-редакционные советы, в состав которых входили директор издательства, редакторский состав и местные писатели [7, л. 75]. Между тем в Челябинске такое положение дел существовало де-факто уже несколько лет. Из-за отсутствия отделения Союза местные писатели группировались вокруг ЧелябГИЗа. Благодаря издательству авторы имели возможность печататься, получать гонорар и консультацию редактора. Основные события культурной жизни области также инициировались издательством: областные совещания начинающих писателей 1-3 марта 1937 года и 30 декабря 1938 года, а также выпуск шести номеров альманаха «Стихи и проза».

Несмотря на то, что региональные отделения ОГИЗа сразу оказались под жестким контролем, полностью финансировались из центра и подвергались цензуре со стороны Главлита, редактор все-таки имел возможность издавать произведения местных авторов. Однако с 1939 года запрещаются публикации без предварительного просмотра рукописи в Москве, что повышало уровень зависимости областных писателей от центра. Это обстоятельство больно ударило по их материальному положению и самолюбию. К примеру, так называемое «Челябинское дело» вызвало серьезный резонанс и потребовало вмешательства Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). После рецензии Е. В. Златовой ОГИЗ запретил четвертый выпуск альманаха «Стихи и проза». У нее сложилось впечатление, что составители набирали материал на двести страниц текста, «<...>довольствуясь отрывками, глядя сквозь пальцы на низкое качество и надеясь выгадать на тематической остроте произведений» [8, л. 44]. Возмущение челябинцев отразило их письмо заведующей издательским управлением ОГИЗа Е. Смородинской. Вскоре последовало обращение к Правлению Союза советских писателей, в котором просили «<...>помочь доказать товарищам из ОГИЗа, что их распоряжение и рецензия имеют мало общего с линией партии в руководстве начинающими писателями» [8, л. 42]. Апелляция к партии как высшему арбитру давно уже превратилась в примету времени. На заседании бюро областных комиссий 23 июня 1939 года большинство участников согласились с позицией Е. В. Златовой, признав, что доля вины лежит на редакторе альманаха. Ей напомнили, что рецензия отражает только личное мнение, и рецензент лишен права делать админи-

**СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ:
ВЛАСТЬ ИНСТИТУТОВ И РЕСУРСЫ
ГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ**

стративные выводы. Письмо челябинцев признали хулиганским, а их метод – недостойным звания советского писателя.

Очевидно, что этот конфликт между челябинскими писателями и Правлением назревал уже давно. Резкий тон письма определялся неопределенностью положения организации. В 1939 году возникло отделение Союза и филиал Литфонда. В Литфонд приняли шесть человек, а в организацию не успели. Потому случались казусы, когда представители Литфонда требовали отчеты несуществующего отделения Литфонда. Сами писатели признавались, что бюро не может выехать в область и оплатить консультирование произведений. «У нас нет ни клуба, ни угла, где мы могли бы собраться» [8, л. 27], — обращались они в очередном письме на имя Правления. Член бюро областных комиссий Л. Я. Шапиро, командированный для разбирательств в Челябинск, пришел к выводу: «Когда были уполномоченные, в Челябинск тоже был выделен. На него была доверенность и пр. С того времени, очевидно, и осталась там печать и все прочие формальные признаки» [8, л. 39]. Судя по документам, накануне Великой Отечественной войны так и не удалось восстановить утраченный статус Челябинского отделения Союза советских писателей.

Таким образом, на примере челябинцев, пришедших в своей массе в литературу «от станка», показаны преграды на пути достижения статуса советского писателя в провинции. Эта борьба осложнялась тем, что государство еще только вырабатывало стратегию управления периферией, пытаясь реализовать опыт, беспрецедентный в мировой практике. Из-за ограниченности ресурсов существенно затруднялась социальная адаптация челябинских литераторов в условиях административной системы управления. Основные среди них — наличие единственной типографии, печатающей преимущественно газеты; малочисленность специалистов, из-за чего страдала литературная учеба; ограниченность финансовой базы по причине формального роспуска отделения Союза и невнимания местных властей; издание всего лишь одного альманаха «Стихи и проза» и др. Как результат – в Челябинске до Великой Отечественной войны так и не сложился круг профессиональных писателей, посвятивших себя исключительно литературному труду, и это несмотря на моральное и материальное стимулирование государства.

Между тем вне формализованной причастности к Союзу советских писателей творческая деятельность была бесперспективна, а ее носитель фактически становился «социальным трупом». В этой связи приоритетной стратегией приспособления становилось приобщение к этой структуре. Подобный прагматизм отражал потребность выживания, присущий эпохам резких перемен. В условиях огосударствления всех сторон советского общества реальной возможностью достичь благополучия становился способ превращения в государственных служащих. Для деятелей литературы и искусства подразумевалось вхождение в состав творческих союзов СССР. Неудивительно, что вскоре Союз советских писателей превратился в бюрократическую организацию с материально-бытовым уклоном, в центре внимания которого находились преимущественно лишь различные хозяйственные дела и окололитературные споры.

Безусловно, эта тенденция вызывала беспокойство у руководства страны, о чем свидетельствуют протоколы заседаний Правления, а также статьи в «Правде» и «Литературной газете». Между тем, возможно, подобное утилитарное отношение к творческому союзу было во многом спровоцировано самими руководителями Политбюро ЦК ВКП(б). Так, по мнению Т. М. Горяевой, после постановления «О перестройке литературно-художественных организаций» массовая ликвидация литературных организаций и ограничение их издательской деятельности обусловили тяжелую социальную обстановку и даже бедность в среде мастеров

СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ:
ВЛАСТЬ ИНСТИТУТОВ И РЕСУРСЫ
ГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ

слова [3, с. 241]. Вследствие этого идеологическая атмосфера в СССР 1930-х годов, непростые материальные условия и социальная незащищенность литераторов стали искусственно созданными факторами их вступления в Союз писателей. Также можно предположить, что руководители государства были готовы смириться с подобным положением вещей: альтернативной Союзу структуры не было, да и вряд ли она могла появиться накануне грядущей мировой войны, а в этот период государство особенно нуждалось в помощи писателей для выработки патриотизма и идеологических стимулов к труду.

Библиография

1. Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей в 1930 – 1950-е гг. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 408 с.
2. Борисов Н. Литературный проходимец // Челябинский рабочий. 1936. 15 августа.
3. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР, 1917-1991 гг. — М.: РОССПЭН, 2009. — 408 с.
4. Громов Е. И. Сталин: искусство и власть. — М.: Эксмо, 2003. — 544 с.
5. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 1. Д. 676.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 2. Д. 220.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 3. Д. 268.
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 153.
9. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 193.
10. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 35.
11. Шмаков А. Творчество, отданное народу // Уральская новь. Ноябрь 1967.

References

1. Antipina V. A. Povsednevnaia zhizn' sovetskikh pisatelei v 1930 – 1950-e gg. — M.: Molodaia gvardiia, 2005. — 408 s.
2. Borisov N. Literaturnyi prokhodimets // Cheliabinskii rabochii. 1936. 15 avgusta.
3. Gorjaeva T. M. Politicheskaia tsenzura v SSSR, 1917-1991 gg. — M.: ROSSPEN, 2009. — 408 s.
4. Gromov E. I. Stalin: iskusstvo i vlast'. — M.: Eksmo, 2003. — 544 s.
5. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti (OGACHO). F. 288. Op. 1. D. 676.
6. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti (OGACHO). F. 288. Op. 2. D. 220.
7. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti (OGACHO). F. 288. Op. 3. D. 268.
8. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 631. Op. 5. Ed. khr. 153.
9. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 631. Op. 5. Ed. khr. 193.
10. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 631. Op. 5. Ed. khr. 35.
11. Shmakov A. Tvorchestvo, otdannoe narodu // Ural'skaia nov'. Noiabr' 1967.